

Юлия Остапенко, Майк Гелприн

Бессребреницы

*Часть сборника
Мир Стругацких. Рассвет и
Полдень (сборник)*

Юлия Остапенко
Бессребреницы

«ЭКСМО»

2017

Остапенко Ю. В.

Бессребреницы / Ю. В. Остапенко — «Эксмо», 2017

«Земля была рыхлой, прохладной и очень вкусной, похожей на дрожжевой пирог с ревенем. Особенно хороша оказалась нижняя часть дерна, сантиметров на двадцать в глубину, словно с нижней части пирог пропекся получше. Правда, дело немного портила трава, покрывавшая дерн, – короткая, густая и жесткая, как свиная щетина. В первый день Соня изрезала об нее пальцы, пытаясь выковырять пригоршню жирной, солоноватой земли из-под толстой шкуры – шкура, думала она, это именно шкура, а не трава. Пальцы и сейчас саднили, покрытые мелкой россыпью почерневших царапин; их надо было промыть, но – негде...»

© Остапенко Ю. В., 2017

© Эксмо, 2017

Юлия Остапенко, Майк Гелприн

Бессребреницы

Земля была рыхлой, прохладной и очень вкусной, похожей на дрожжевой пирог с ревенем. Особенно хороша оказалась нижняя часть дерна, сантиметров на двадцать в глубину, словно с нижней части пирог пропекся получше. Правда, дело немного портила трава, покрывавшая дерн, – короткая, густая и жесткая, как свиная щетина. В первый день Соня изрезала об нее пальцы, пытаясь выковырять пригоршню жирной, солоноватой земли из-под толстой шкуры – шкура, думала она, это именно шкура, а не трава. Пальцы и сейчас саднили, покрытые мелкой россыпью почерневших царапин; их надо было промыть, но – негде.

За шесть дней она так и не нашла воды.

Перед высадкой Александр Васильевич заверил Соню, что Город находится совсем рядом, не далее километра к северу. Она десантировалась рано утром, еще затемно, на круглую поляну, окруженную со всех сторон непроглядной стеной леса. Ей не оставили компаса, а ориентироваться на местности из-за особенностей местной флоры было крайне сложно, но от поляны вела прямая, четкая тропа, и Соня должна была добраться до Города самое позднее к полудню. А там бы ее встретили подруги, она бы сказала им, кто такая, и все пошло бы как по маслу.

Так и вышло. Почти. Она пошла по тропе, неестественно ровной, внешне похожей на бетонную беговую дорожку, но упругой, мягко пружинящей под ногами, неясного белесого цвета, напоминающего студень. Тропа не обманула, вывела, куда надо, вот только Города там не было. Там был просто холм, покатый, поросший толстой корой «свиной щетинки», как Соня называла про себя этот странный травяной покров. У него, разумеется, уже имелось научное название, данное земными биологами, но Соня это название быстро забыла. Она вообще почему-то стала все быстро забывать. Но к тому моменту, когда остановилась у подножия голого холма, на котором не виднелось ни Города, ни вообще каких-либо признаков жизни, еще помнила все достаточно хорошо, чтобы подумать: «Черт бы вас побрал, дядя Саша».

Он сказал, что здесь поселение и люди. И вот вам, пожалуйста – ни поселения, ни людей. В принципе, Соня не была особенно удивлена. Большая часть данных, получаемых с Пандоры, отличалась неточностью и противоречивостью, выходившими далеко за рамки статистической погрешности. Проще говоря, даже если снимки со спутника показывали нечто, напоминающее Город, не факт, что это не было чем-то совсем другим.

Так или иначе, вертолет улетел, а ближайший сеанс экстренной связи – на месте высадки через двое суток. Если что-то пойдет не так, как минимум сорок восемь часов Сонечка Пермякова должна была справляться с проблемой сама, прежде чем сможет попросить помощи. Это на Арканаре она могла в любой момент вскочить на коня и прискакать в Пьяную Берлогу. Но то Арканар, там все было по-другому.

Арканар, при всей его липкой мерзости, был куда более человечен. Понятен. Близок.

Сейчас, через шесть дней блуждания по чаще, она начинала думать, что скучает по Арканару.

Разумеется, сначала Соня действовала по инструкции: первым делом решила вернуться по тропе назад на поляну и там подождать положенные двое суток. В других обстоятельствах, на какой-то другой планете она попыталась бы провести разведку самостоятельно, но в этой высадке была строжайше запрещена любая инициатива. Лес слишком непредсказуем. Он слишком враждебен к людям, включая аборигенов, и слишком быстро меняется. Насколько быстро – Соня не сознавала до тех пор, пока не пошла по белесой,

смутно мерцающей в полуденном солнце тропе. Она проходила здесь всего час назад. Она пошла и теперь, но пройти сумела недалеко.

Потому что через триста метров тропа закончилась. Вот просто – взяла и закончилась, точно ее обрубили топором. И теперь обрубок упирался в лес, высившийся непроглядной стеной. Лес, которого, Соня могла поклясться, здесь не было час назад.

Ее готовили к этому. Александр Васильевич лично наработал с ней пятьдесят часов инструктажа, но, увы, сугубо теоретического. В точности как перед Арканаром. И Соня по опыту уже знала, что теоретический инструктаж, каким бы он ни был подробным и продуманным, не передаст и сотой доли того, с чем придется столкнуться в первый же день на чужой, неизученной, настороженной планете.

Не просто чужой. Чуждой.

Поначалу Соня решила не ходить никуда вовсе. Если через двое суток она не оставит условленного знака на месте явки, на базе поймут, что с ней неладно, и по меньшей мере прочешут местность. Надо просто не уходить далеко. Еды благо было навалом – буквально валялась под ногами. Грунт в месте посадки обладал полным набором белков, жиров, углеводов и микроэлементов, необходимых для поддержания человеческого организма. В сущности, Пандора представляла собой почти неистощимый источник грубой, но питательной пищи. Прямо манна небесная, подумала Соня и усмехнулась про себя этой мысли.

Манна была, да. А воды не было.

Именно это заставило ее сдвинуться с места, и куда раньше, чем ей бы хотелось. Хотя местность была заболочена, а съедобная земля отчасти утоляла жажду, настоящей воды здесь не было – только мутная густая жижа с солоноватым привкусом. Пить ее было все равно что морскую воду. Но лес покрывала густая сеть рек и треугольных озер, которые мигрировали с феноменальной, по земным меркам, скоростью, однако никогда не меняли плотности распространения. Пусть Города и нет, но пресная вода должна быть где-то поблизости, обязательно.

Соня шла по лесу, и лес смотрел на нее. Некоторые деревья были вполне благожелательны, хотя пару раз она видела пугливые – те при ее приближении вырывали корни из земли и торопливо ковыляли в стороны, смешно переваливаясь, и, лишь оказавшись на приличном расстоянии, снова пускали корни и застывали в величественной неподвижности. Одно дерево попыталось на нее напасть, во всяком случае, Соне так показалось: она наступила на узловатый корень, выпирающий из-под почвы, и корень стал раздуваться, пульсировать, яростно двигаться, точно силился вырваться из земли и схватить нахапку, потревожившую его покой. Соня поспешно отошла от дерева, оглянулась и увидела, как из крошечного дупла высовывается тонкая семипалая лапка и ласково шарит по лоснящемуся стволу, точно пытаясь его успокоить. Это подействовало: корень перестал вспухать, земля снова сошлась над ним. Одноглазое существо, похожее на птицу без перьев, которое сидело на земле и наблюдало за этой картиной, раскрыло рот и издало короткий звук, в котором звучало то ли неодобрение, то ли насмешка. На Соню оно даже не взглянуло.

Это был предельно странный мир, но Соню его странности не волновали. Ее волновала только вода.

Она нашла ягоды – точнее, их следовало назвать орехами, потому что снаружи их покрывала толстая, как кость, скорлупа. Но внутри оказалась мякоть, кроваво-алая, вязкая, похожая на сок раздавленной перебродившей вишни. Она хорошо утоляла жажду, и Соня съела с десятков ягод, прежде чем ее скрутила жесточайшая кишечная колика. Больше эти ягоды она не трогала. Были еще другие – скользкие, ярко-зеленые, пульсирующие в руке, и когда Соня сжимала их, выдавливая сок, ей казалось, что она душит живое существо. Ей даже чудился хрип, который испускали эти ягоды, когда она их убивала. Это бы вряд ли ее

остановило, однако зеленый сок оказался невозможно горьким. Живот от него не болел, но его нельзя было пить.

Она считала дни по ходу солнца. Спала на земле, потому что деревья в этом месте вовсе не давали надежного укрытия от хищников – уж скорее наоборот. Но хищников она не видела, даже если они и видели ее. Вообще животных Соне встретилось на удивление мало – если не считать животными деревья, траву, хрипящие зеленые ягоды и все остальные растения, встречавшиеся ей на пути. Она читала доклады биологов и их теории о симбиотической экосистеме флоры и фауны на Пандоре; по всему выходило, что это и не растения, и не животные, а нечто более близкое к царству грибов; но ей плевать на это было. Она не биолог, она социолог, у нее совершенно другие задачи. Она должна была в первый же день попасть к людям. К подругам. «Они выйдут к тебе, – уверял ее Александр Васильевич. – Сами тебя найдут».

Ох, дядя Саша, дядя Саша. Вы и на Арканаре мне говорили, что все держите под контролем. А я, дура, как тогда вам верила, так поверила и теперь.

На шестой день Соня вышла к треугольному озеру.

Она видела такие на снимках со спутника. Равнобедренный треугольник, геометрически безупречный. Вода в нем была темной и неподвижной, с очень ровной, как ножом обрезанной кромкой. Соня подошла к берегу, упала на колени и стала лакать языком, как кошка. У воды был металлический привкус, но она была, без сомнения, пресной. Соня пила, захлебываясь, хотя знала, что так нельзя, будет только хуже, но пила и никак не могла остановиться. На миг ей почудилось, что снизу, со дна, на нее внимательно смотрят чьи-то глаза. Но это, наверное, просто дало себя знать обезвоживание.

Наконец она оторвалась от воды и выпрямилась. И тогда увидела его. Мертвяка. Так этих существ называли местные; у них имелось и научное название, данное учеными в Институте, но какое, Соня забыла. Она много чего забыла. Но не то, что мертвяки опасны. Она стояла, не двигаясь, глядя на сгорбленное создание, похожее на мужчину, но с длинными, как у орангутанга, руками, спускающимися к самой земле. Мертвяк смотрел на нее белыми глазами и шамкал безгубым ртом. Потом вдруг раскинул гигантские лапы вширь, точно раскрывая объятия. «Как странно, – подумала Соня, – с чего это мне померещилось объятия? Логичнее, что он хочет меня схватить».

Она стояла, глядя на мертвяка без страха и с любопытством, и сама безмерно удивлялась этому. Мертвяк шевельнулся и медленно двинулся к ней – не то покатился, не то пополз, а она стояла так, точно ноги вросли в рыхлую землю. И подумала только: «Почему ты стоишь, идиотка?! Беги!» Но стояла и не бежала, хотя любопытство сгнуло, и страх пришел, и заледеневшее от ужаса сердце тяжело долбило в ребра.

Мертвяк остановился, подойдя к ней почти вплотную, так, что она видела широкие открытые поры на его лоснящейся белесой коже. Такой же белесой, как тропа, по которой Соня шла в первый день.

Какая-то мысль – какое-то определение происходящего – крутилось у Сони в голове, точно вертякая зверушка, пытающаяся поймать собственный хвост. Вертелась, вертелась и никак не давалась в руки.

– Приветствую тебя, подруга.

Соня обернулась на голос. Перед ней в воде стояла обнаженная женщина с длинными распущенными волосами. Вода доходила ей до колен, и ни малейшей ряби не шло по поверхности – как не шло ее и тогда, когда Соня пила из озера. Женщина протянула руки, улыбнулась, и Соня, шагнув в воду, вложила пальцы в протянутые ладони. Руки женщины сомкнулись на ее руках, твердо и ласково. Она попятилась, увлекая Соню за собой. Соня шагнула следом. Еще шаг, и еще. Теплая вода с привкусом крови дошла ей до подбородка, коснулась губ.

Потом сомкнулась над головой.

* * *

Мертвяки разом вымахнули на лесную опушку. Было их двое: скособоченный, желтый верзила с обезьяньими ручищами до щиколоток и тощий, заморенный, синюшный доходяга.

Посевная оборвалась. Мужики повылезали из борозд и, почесываясь, затоптались на месте. С визгом умчались в деревню женщины.

Ханна удирать не стала. Кто же это такие, в который раз думала она, переводя взгляд с верзилы на доходягу. О мертвяках Наставник не говорил ничего, будто их вовсе не было. Впрочем, он много о чем не говорил и, возможно, неспроста. Мертвяки воруют женщин – это факт. Вопрос только зачем.

Вопросов было гораздо больше, чем ответов. За те четыре месяца, что Ханна провела в деревне, она только и занималась тем, что приставала с вопросами. К старосте, к Лентяю, к Грибоеду, к Зануде, к Трепачу – ко всем подряд. Ответов не было. Почему мертвяки воруют именно женщин, не знал никто. А может, и знали. Или догадывались, но говорить опасались.

– В цепь, в цепь рассыпайтесь, – покрикивал между тем староста. – На мертвяков цепью ходят. Бродило готовьте, не любят мертвяки бродила, очень его боятся, потому бродилом их отгонять надо. Пошли, пошли, нечего тут топтаться.

Мужики пошли. Минуту-другую Ханна понаблюдала, как они, спотыкаясь и подбадривая друг друга, опасливо приближаются к мертвякам. Затем вздохнула и побрела обратно в деревню. Утренняя трава успела уже увянуть, высохшие желтые стебли ломались под ногами и рассыпались в труху. Рабочие муравьи деловито растаскивали хворостины, палые листья и прочий сор, строились в колонны и волокли ношу к северной околице. У жирного, маслянисто поблескивающего, извивающегося в пожухшей траве ползуна переминался с ноги на ногу Лентяй. Ползуна следовало травить, и горшок с травобоем стоял у Лентяя в ногах, но видно было, что травить ему лень, потому что умный человек, вместо чтоб травить, может, к примеру, поспать. Или, к примеру, поесть, благо вчерашний урожай уже перебродил и закис.

– А, Чужачка, – приветствовал Ханну Лентяй. – И куда же ты топаешь, Чужачка, не иначе, к дому своему топаешь, а не, к примеру, на собрание, потому что на собрание топать в другую сторону. Нечего тебе дома делать, Чужачка, там, к примеру, спать надо, а время спать еще не настало. Потому ты налево, Чужачка, поворачивай, и по этому проулку топай, пока не упруешься, к примеру, в площадь. А лучше я с тобой пойду, а то заблудишься еще и вместо площади придешь, к примеру, на поле. Ну его, этот ползун, делать мне нечего, только ползуны травить, пускай, к примеру, Грибоед травит или там Зануда. Или даже... – Лентяй задумчиво почесал под мышками, – хотя бы ты потрави, Чужачка, а то никакого толку с тебя нет, да и какой может быть с тебя толк, когда ты, к примеру, как пройти на площадь, не знаешь.

Ханна молча оттеснила Лентяя плечом, с натугой оторвала от земли успевший уже пустить корни горшок и стала травить.

– Не туда сыплешь, – досадливо частил Лентяй. – Ты, Чужачка, на ботву ему сыпь, на ботву сыпать надо, ползун с ботвы киснет, а ты на хвост сыплешь, у нас никто так не делает, хотя, может, в твоей деревне так делали, не помню, откуда ты там.

– Из Израиля.

– Чудная ты, Чужачка, – поскреб под мышкой Лентяй. – И деревня твоя чудная. Где это слыхано, чтобы деревни так называли? Деревни по-человечески должны называться. Муравейники, к примеру, или Выселки, или там Тростники. И травишь чудно, кто ж так травит, шибче трави давай, а то на собрание опоздаем.

Ханна стала травить шибче. До чего же глупо, думала она, щедро посыпая травобоем корчащуюся мясистую плоть. Наставник объяснял, что для нее эта деревня, этот Лентяй и остальные – круг Второй. Что Первый, дескать, она прошла. Что пандорианский лес враждебен к землянам, но к землянкам, напротив, благоволит. И что такие, как она, бессребреницы, – большая редкость. Ханна была согласна. И в самом деле, надо быть редкостной дурой, чтобы согласиться на Второй круг. Она и Первый-то едва помнила. Иногда в памяти всплывал странный, нелепый, обреченный на гибель Город. Иногда нескладный старый ученый, рассуждающий о временных петлях. А иногда... Ханну передергивало и корежило всякий раз, когда она видела, не глазами видела, а чем-то иным, ладного, надежного и храброго парня, который любил ее, и звал замуж, и погиб, пытаясь ее уберечь.

Когда ползун перестал, наконец, извиваться и корчиться, Ханна сунула полупустой горшок Лентяю в руки и, не оборачиваясь, пошла на площадь. Пересекла редкую поросль шипастого кустарника, который начал уже зацветать и которого вчера еще не было, обогнула стайку пупырчатых, неспешно ковыляющих на задних конечностях квакунов, продралась сквозь переплетение буйно цветущего вьюна и выбралась на перекресток. По центру его, беспорядочно шевеля губами и часто моргая, сидел на корточках Трепач. Мутное лиловое облачко сосредоточивалось, сгущалось у него над головой.

– Чего молчишь? – укорил Трепача подоспевший Лентяй. – Ты не молчи, ты треплился давай, пока собрание не началось. Где это видано, чтоб молчать вместо чтоб, к примеру, трепаться.

Трепач икнул и перестал моргать.

– Повсеместное заболачивание, – сообщил он. – Уверенные Одержания на южных фронтах. Спокойствие и Слияние с новыми отрядами славных подруг. Истреблять вплоть до полного искоренения.

– Другое дело, – обрадовался Лентяй. – Истреблять славных подруг, Чужачка, ясно тебе? До полного искоренения на фронтах. На южных, к примеру. Заболачивание до повсеместного Одержания, что там еще?

– Ударные темпы разрыхления почвы, – одурело таращась, поведал Трепач. – Оттеснение пережитков домостроя на юг. Новые города для новых отрядов.

– Где они, эти новые города? – спросила Ханна, когда Трепач наконец замолчал и, отдуваясь, поднялся на ноги. – Растолкуй, пожалуйста, на каких фронтах и кого следует истреблять.

Трепач ошалело заморгал и принялся почесываться. Видно было, что ни где, ни на каких, ни кого он знать не знает.

– Кого надо, того и истреблять, – вступился за Трепача Лентяй. – Ты, Чужачка, прекрати свои вопросы спрашивать. Никто вопросов не спрашивает, одна только Чужачка спрашивает, и как только не надоело. Откуда нам знать кого. Сказано тебе: на южных фронтах, чего еще надо?

Ханна махнула рукой и пошла на площадь, где уже нес привычную монотонную невнятицу Зануда, вразнобой уговаривали его заткнуться Путник и Грибоед, а староста шикал на всех, чтоб рассаживались, чтоб помалкивали и чтоб не вздумали дремать. Ханна устроилась в корнях развесистого дерева с гнутым стволом и немедленно задремала, а очнувшись, лишь когда сквозь дрему осознала, что речь завели о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.